

объ отличительныхъ признакахъ нарѣчій, недостаточно полны и вѣрны; но на первый разъ ожидать многого было и не возможно. Гораздо легче было бы ему представить каждое изъ главныхъ нарѣчій въ двойномъ очеркѣ—состояніе его не только въ наше время, но и въ древнее, чтобъ можно было видѣть, какой путь пройденъ каждымъ изъ нихъ въ отношеніи къ видоизмѣненію своего строя. Ожидать этого отъ книги Шафарика тѣмъ было возможно, что въ ней рядомъ съ живыми нарѣчіями поставлены и умершія для народа, Старославянское и Балтійское (что онъ называетъ Полабское). Впрочемъ и этотъ недостатокъ книги можетъ быть также до нѣкоторой степени оправданъ намѣреніемъ Шафарика—не входить въ ней въ историческія разысканія.

Особенно важно въ этомъ сочиненіи Шафарика, какъ и въ общемъ направленіи всѣхъ его трудовъ по части лингвистики Славянской, то, что онъ опредѣлилъ необходимость обращать вниманіе на мѣстные видоизмѣненія нарѣчій, не ограничиваясь только тѣми ихъ оттѣнками, которые получили законность въ литературѣ. Шафарикъ не отвергалъ никогда важности литературнаго языка въ отношеніи къ образованности народной; но съ тѣмъ вмѣстѣ не могъ считать его одного достаточнымъ для лингвиста, обязаннаго глядѣть на языкъ, какъ на произведеніе природы, на всемъ пространствѣ, гдѣ онъ живетъ и дѣйствуетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для филолога, понимающаго связь языка народа съ образованностью народной, съ развитіемъ началъ народности и племенной самобытности. Сознаніе важности народныхъ говоровъ было и у Добровскаго; но не такое свѣтлое и живое, и осталось въ его трудахъ безъ должнаго примѣненія къ вопросамъ сравнительной грамматики и тѣмъ менѣе къ вопросамъ науки Славянской вообще. Нельзя тутъ не пожалѣть только о томъ, что Шафарикъ не далъ болѣе обширнаго размѣра своимъ сочиненіямъ по части сравненія нарѣчій, не передалъ читателямъ подробностей изъ своей многообразной и обширной разработки матеріаловъ по этой части, не покончилъ своего призванія въ этомъ отдѣлѣ своей ученой дѣятельности. Есть однако надежда, что Шафарикъ не ограничитъ своихъ трудовъ по этому предмету тѣмъ, что издано: его послѣдующіе труды по части нарѣчій Чешскаго и Сербскаго въ ихъ древнемъ видѣ, сравнительно съ Старославянскимъ; его записки объ образованіи формъ Славянскаго языка сравнительно съ языками сродными (изданныя въ Часописѣ Чешскаго музеума), очевидно отрывки изъ большаго творенія; его приготовленія къ этнографической части Древностей Славянскихъ: все это даетъ право надѣяться, что, въ томъ или другомъ видѣ, онъ передастъ свѣту подробности своихъ соображеній изъ области сравнительной грамматики Славянской, и довершитъ, Богъ дастъ, тотъ путь, который на-

чатъ имъ на этомъ поприщѣ съ такимъ успѣхомъ для себя и для науки.

А между тѣмъ должно быть признательнымъ къ нему и за то вліяніе, какое онъ произвелъ своими сочиненіями и своимъ авторитетомъ на обширный кругъ мѣстныхъ наблюдателей народностей и нарѣчій, на подробность и отчетливость ихъ наблюденій, на ихъ внимательность къ даннымъ, повидимому самымъ мелочнымъ и тѣмъ не менѣе нерѣдко очень важнымъ для сравнительнаго и историческаго изученія языка. Нельзя пересчитать того множества записокъ, которыя изданы въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ о мѣстныхъ говорахъ Славянскихъ, какъ болѣе или менѣе непосредственныя слѣдствія этого благодѣтельнаго вліянія. Эти записки, въ своей массѣ, очень значительны по цѣнности для сравнительной грамматики Славянской, потому что одушевлены одной и той же мыслью, однимъ стремленіемъ разгадать общія черты развитія Славянскаго языка. Эти записки тѣмъ болѣе важны, что касаются почти всѣхъ оттѣнковъ нарѣчій Западно-Славянскихъ. Безъ сомнѣнія, вліянію Шафарика во многомъ помогло время, общіе успѣхи науки и образованности, общее движеніе умовъ въ пользу изученія народности въ филологіи, равно какъ и въ исторіи; но нельзя отвергать и того, что Шафарикъ ранѣе многихъ другихъ понялъ современное направленіе науки, глубже многихъ другихъ успѣлъ сочувствовать ему, прежде и лучше другихъ примѣнилъ ихъ къ дѣлу въ филологіи Славянской: кому же, какъ не ему, послѣ этого удобно было связать въ одинъ узелъ единичныя стремленія мѣстныхъ наблюдателей Западно-Славянскихъ.

Не раскрыта еще вполне и Шафарикомъ вся задача сравнительной грамматики Славянской, не раскрыта по недостатку средствъ; но шагъ, имъ сдѣланный послѣ Добровскаго, такъ важенъ, такъ достоинъ нашего времени, что только незнакомымъ съ трудами его и его послѣдователей и съ общими успѣхами Славянскаго языкознанія можно оставаться при прежнихъ взглядахъ и результатахъ.

Останавливая здѣсь наше обзорѣніе трудовъ, сдѣланныхъ на пользу сравнительной грамматики Славянской, мы умалчиваемъ о трудахъ Русскихъ, о трудахъ членовъ Академіи Наукъ, преподавателей Русской и Славянской филологіи въ нашихъ университетахъ и другихъ ученыхъ,—съ одной стороны, будучи увѣрены, что важнѣйшіе изъ нихъ у насъ общеизвѣстны, а съ другой, предполагая имѣть другіе случаи, когда можно будетъ остановиться на нихъ съ надлежащею подробностью. Тѣмъ болѣе считаемъ дозволеннымъ это умолчаніе, что всѣ Русскіе труды по части сравнительной грамматики Славянской отличаются отъ Западно-Славянскихъ особеннымъ Русскимъ направленіемъ, желаніемъ принести пользу не столько Славянской филологіи вообще, сколько почти исключительно филологіи Русской.